

О ЧЕМ ГОВОРIT РОСТ НОВОБРАНЦЕВ: УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1755–1915 гг.

Благосостояние населения России изучено крайне неудовлетворительно. Советские исследователи в своих изысканиях руководствовались марксистским «законом» об абсолютном и относительном обнищании трудящихся при капитализме, распространив его и на период феодализма (по марксистской терминологии). Социальный заказ обществоведов состоял в том, чтобы собрать некоторое количество фактов, подкрепляющих эту идею. В результате они, как правило, априорно утверждали, что жизненный уровень трудящихся и при феодализме, и при капитализме — с X в. по 1917 г., т. е. в течение 1000 лет — понижался. Например, академик С. Г. Струмилин утверждал, что в металлургической промышленности в 1647 г. реальная зарплата была в 18,4 раза (!!!), а в 1860 г. — в 2,46 раза выше, чем в 1913 г.¹ Западные ученые интересовались благосостоянием мало². В результате до сих пор мы не знаем достоверно, как изменялся жизненный уровень россиян за все время существования российского государства.

Положение усугублялось тем, что источниковедческая база для исследования благосостояния населения в России на традиционными методами очень слабая. Применительно к России XVIII–XIX вв. состояние источников не позволяет оперировать такими показателями благосостояния, как национальный доход на душу населения, доходы различных социальных классов и уровень неравенства между ними, а также реальная заработная плата. Но даже если бы мы и располагали такими показателями, они были бы явно недостаточными, чтобы охарактеризовать материальное положение народа. Крестьянство, составлявшее более 90% населения, было мало связано с рынком товаров и труда, львиную долю потребляемых им продуктов производило в своем собственном хозяйстве, продавая небольшую часть сельскохозяйственных товаров для получения денег, необходимых для уплаты налогов и оброка помещикам и государству. Товарность российского сельского хозяйства в начале XIX в. приблизительно оценивается в 10, в 1860 г. — 17%, в 1913 г. — 36%. При этом товарность собственно крестьянского хозяйства была в 2 раза ниже³. Большая часть немногочисленного городского населения (в городах проживало в конце XVIII в. 8%, в 1913 г. — 15%)⁴ по своему образу жизни мало отличалось от крестьян и также занималась земледелием.

При оценке уровне жизни крестьянства мы вынуждены опираться на официальную сельскохозяйственную статистику, точность которой всегда вызывала серьезные сомнения. По сведениям ЦСК СССР, итоги валовых сборов за 1906–1914 гг. (а в более раннее время еще больше) были занижены примерно на 19,3%, в том числе примерно на 9% по урожайности и на 10% по посевам. В годы продразверстки и продналога, 1918–1924 гг., когда у крестьян несомненно появились серьезные стимулы для занижения сборов хлебов, урожаи стали преуменьшаться минимум на 30–32%, а посевы — на 16%, валовые сборы в целом — на 51–59%⁵. Численность скота официальные данные преуменьшали в еще большей степени, чем сборы хлебов. Первая сельскохозяйственная перепись 1916 г., проведенная в условиях войны, когда поголовье скота несомненно сократилось сравнительно с довоенным вследствие реквизи-

¹ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. С. 56, 96–97.

² Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97–111; Gregory P. R. Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885–1913 // Review of Income and Wealth. 1980. Vol. 26. P. 87–103.

³ Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945. С. 34; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 179.

⁴ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 241.

⁵ Струмилин С. Г. О балансовом методе в урожайной статистике // Струмилин С. Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 235.

ции нескольких миллионов лошадей и волов для нужд армии, обнаружила, что лошадей было на 16% больше, крупного рогатого скота — на 45%, мелкого — на 83% больше, чем в 1913 г.⁶ Следовательно, абсолютная численность скота в 1913 г. была преуменьшена по крайней мере на 50%, а на 1000 человек населения — на 88%.

В условия дефицита необходимой информации об уровне жизни населения неоценимую помощь историкам могут оказать антропометрические данные (рост, вес, индекс массы тела, возраст наступления и прекращения менархе). Особенно большое значение имеет средний финальный рост (длина тела) человека, который, с точки зрения современной экономической науки, выступает в качестве замещающей, или дамми-переменной (по-английски *dummy variable*), для уровня жизни. Использование такого показателя, который получил название *биостатуса*, опирается на доказанный в биологии человека факт, что финальный средний рост людей характеризует степень удовлетворения базисных потребностей человека в пище, одежде, жилище, медицинском обслуживании и т. п.. Люди, чьи базисные потребности удовлетворяются лучше, превосходят ростом тех, чьи базисные потребности удовлетворяются хуже; и наоборот. Следовательно, данные о среднем росте позволяют оценить, как удовлетворяются базисные потребности человека и благодаря этому судить о динамике благосостояния народа⁷ — это и составило основную задачу исторической антропометрии. Годом ее рождения считается 1969 г., когда известный французский историк Э. ле Руа Ладюри опубликовал работу, в которой показал, что в XIX в. длина тела французских новобранцев и благосостояние населения изменялись согласованно, а вариация в росте между различными социальными группами зависела от их социально-экономических характеристик (социального статуса, образования и т. п.). Новое направление родилось на границе истории, экономики, биологии человека, медицины, антропологии и демографии и главной его целью стала оценка вековых тенденций (*secular trends*) в изменении благосостояния населения и факторов, его обусловивших, на основе антропометрических показателей. Постановка такой цели стала возможной после того, как экономисты обнаружили, что вариация среднего роста людей в разных странах примерно на 67–77% объясняется величиной валового внутреннего продукта на душу населения. Установление тесной связи между уровнем экономического развития государства и средним финальным ростом его населения вывело антропометрию в широкий мир экономической и социальной проблематики, дало новый импульс ауксологическим исследованиям и сделало их важным направлением в западной социальной науке.

Каким образом экономическое, социальное и экологическое окружение влияет на физическое развитие человека, его рост, вес, заболеваемость и как по антропометрическим данным (прежде всего по росту) можно оценить благосостояние?

1. Теоретические основы исторической антропометрии⁸

Человеческое тело — это сгусток вещества и энергии, накопленных организмом в процессе усвоения поступившей пищи. Единственным источником увеличения массы тела является питание. Трансформация полученной из пищи энергии в механическую, тепловую, интеллекту-

⁶ Статистический сборник за 1913–1917 гг. М., 1921. Вып. 1. С. 184–185.

⁷ Cuff T. The Hidden Cost of Economic Development: The Biological Standard of Living in Antebellum Pennsylvania. Aldershot, Eng: Ashgate, 2005. P. 10–29; Steckel R. Stature and the Standard of Living // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. P. 1903–1940; Tanner J. M. Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. Cambridge, 1978. P. 157.

⁸ Грим Г. Основы конституционной биологии и антропометрии. М., 1967. С. 71–93, 113; Карасевич Т. В. Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. М., 1970. С. 116–124; Комлос Д. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // Экономическая история: Ежегодник 2001. М., 2002. С. 428–442; Харрисон Д., Уайнер Д., Тэннер Д. и др. Биология человека. М., 1979. С. 386; Cuff T. The Hidden Cost of Economic Development: The Biological Standard of Living in Antebellum Pennsylvania. Aldershot, Eng, 2005 P. 10–29; Steckel R. H. New Perspectives on the Standard of Living // Challenge. 1995. September-October. P. 14; Tanner J. M. Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. Cambridge, 1978. P. 157.

альную и психическую, ее накопление в структурах организма обеспечивают его жизнедеятельность. До достижения полной физической зрелости организм расходует энергию также на работу, учебу, сексуальные отношения, спорт, борьбу с инфекциями, болезнями и т. п., а *числительный остаток* энергии от питания преобразует в рост и при избытке питания — в вес. Средний рост людей до момента достижения полной физической зрелости зависит от условий их жизни, или *биологического статуса (биостатуса)*, — от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, психологического комфорта, климата, воды, воздуха и других *факторов среды* в течение всей его предшествующей жизни до момента измерения роста. В момент наступления полной физической зрелости человек достигает финального роста, который уже не увеличивается; при понижении биостатуса происходит снижение веса, а при повышении — его увеличение.

На индивидуальном уровне качество жизни не единственный и даже не главный фактор финального роста. Биологи установили, что антропометрические показатели индивидуума, включая длину тела, примерно на 80–85% определяются генетикой и на 15–20% — *биостатусом*. Длина тела — итог действия и взаимодействия факторов наследственности и среды. От генов, определяющих длину тела, до действительного роста конкретного человека — долгий путь. Проявление гена роста зависит, прежде всего, от внутренней среды, создаваемой другими генами, а затем от внешней среды. Влияние генов и среды не суммируется арифметически. Гены и среда взаимодействуют мультипликаторным образом: улучшение пищевого рациона у генетически высокорослых людей может увеличить длину тела на 12%, а у генетически низкорослых — только на 8%. Одни и те же условия среды могут быть положительными для ребенка с одним набором генов и отрицательными для ребенка с другим набором. Общее правило — чем ближе условия среды к оптимальным, тем скорее и полнее проявятся потенциальные возможности генов роста.

Когда оцениваются различия в среднем финальном росте между большими группами людей, одинаковой этнической принадлежности, но отличающимися уровнем жизни, доминирующими становятся факторы среды, поскольку генофонд больших социальных групп и тем более популяций — практически постоянный фактор. Коэффициент корреляции между конечным ростом родителей и детей находится в интервале от 0,25 до 0,50 (фактор наследственности), а корреляция между ростом братьев — более 0,5 (фактор среды). Вариация между финальным ростом людей, не являющимися родственниками, достигает 25 см (фактор среды), между братьями — 16 см (фактор среды и наследственности), однояйцовых близнецов — 1,6 см (фактор наследственности).

Таким образом, согласно твердо установленному в биологии человека факту, вклад генетического фактора в длину тела является определяющим на *индивидуальном* уровне, но факторы среды оказывают решающее воздействие на изменчивость среднего роста во времени и пространстве *для социальных групп и популяций*. Изменчивость среднего роста в определяющей степени зависит от *чистой* разницы между потребленной энергией от пищи и израсходованной энергией на все потребности в течение всей предшествующей жизни, другими словами, средний рост отражает *историю чистого потребления*, а средний рост представителей определенной группы людей можно считать историческим показателем как количества и качества потребленных в детстве и юности продуктов питания, так и жизненных условий своего времени. Из этого следует, что высокие люди, взрослые и дети, в *массе* своей лучше питались, имели лучший уход, меньше болели и т. д., то есть в *массе* обладали более высоким биостатусом, чем люди с низким ростом. Количественно оценить роль наследственности и среды в регулировании роста для отдельного индивидуума едва ли возможно. Но для массы людей распутать сложный узел взаимодействия помогают математико-статистические методы.

В зарубежной антропометрической литературе широко используется понятие «пищевой статус» (*nutritional status*), или его синонимы — «статус питания» и «биологический статус», которые не тождественны слову «питание». Пищевой статус — это соотношение между потреблением энергии и ее затратами, а питание — это просто количество и качество потреблен-

ной пищи вне зависимости от того, сколько ее нужно для здорового функционирования организма человека. Потребность в количестве и качестве пищи существенно зависит от энергетических затрат: простое поддержание основных метаболических процессов в организме человека требует 1 ккал на кг веса, умственная работа 1,7 ккал, умеренная физическая работа — 2,1 ккал, тяжелая — 3,0 ккал. Характер работы диктует и потребность в определенном составе пищи — интенсивная физическая работа требует больше жиров, а умственная работа — белков. Поэтому, при одинаковых размерах тела и равноценном потреблении статус питания у чиновника будет выше, чем у плотника. Кроме работы, большое количество энергии идет на сопротивление организма инфекции, поэтому эпидемиологическая среда, окружающая человека, также влияет на пищевой статус, если человек все-таки заболел. Во время беременности или кормления грудью у женщины возникает дополнительная потребность в питательных веществах. В общем виде, потребность человека в энергии зависит от пола, возраста, веса, уровня обменных процессов, от физической нагрузки, характера психической деятельности. Она определяется также климатическими и географическими условиями, так как они влияют на количество энергии, расходуемой организмом. Таким образом, статус питания имеет в виду не количество потребленных пищевых продуктов, а насколько они адекватны энергетическим потребностям человека; статус характеризует чистое потребление продуктов, то есть остаток полученной от них энергии после удовлетворения всех потребностей в ней. На русском языке эту мысль лучше выражает словосочетание «энергетический статус» или «энергетическая адекватность» или биологический статус (биостатус).

Важно иметь в виду, что средний рост и соответственно энергетический статус *не являются синонимом дохода и благосостояния* — это специфический индикатор качества жизни. Традиционные показатели благосостояния (национальный продукт, зарплата и цены, распределение доходов) ориентированы прежде всего на получение данных о реальных доходах на душу населения. Но это недостаточный показатель по той причине, что не учитываются варианты расходования доходов на уровне семьи. Рост, конечно, обуславливается потреблением и, значит, доходом, но доход сам по себе не предопределяет потребление, которое зависит от многих факторов. Например, дополнительный доход может пойти на уплату налогов или ренты, на покупку недвижимой собственности, одежды и предметов быта, может быть спуцен в казино. Во всех перечисленных случаях повышение дохода может сопровождаться ухудшением здоровья и понижением биостатуса населения. В то время как при уменьшении дохода семья может сохранить расходы на поддержание биостатуса своих членов и в этом случае он не понизится.

Например, в США со второй половины 1830-х гг. и до конца XIX в. наблюдался значительный экономический рост, если его измерять в национальном доходе на душу населения. Однако здоровье американцев, как популяции, в эти годы ухудшилось, средняя продолжительность жизни и средний рост понизились вследствие того, что в потреблении сократилась доля продуктов животного происхождения богатых белками, значительная часть дохода стала расходоваться на покупку промышленных товаров. Увеличение плотности населения, миграции, урбанизация и интеграция местных рынков способствовали распространению инфекций и вызвали увеличение заболеваемости. Длина тела лучше, чем доход, отражает реальный уровень питания и потребления тех товаров и услуг, которые удовлетворяют основополагающие биологические потребности человека в еде, одежде, жилище, в поддержании здоровья. Недостаточность сведений о доходе населения для оценки его благосостояния подвигнула ООН использовать индекс человеческого развития, который, кроме дохода на душу населения, учитывает также среднюю продолжительность жизни и грамотность населения. Всемирная организация здравоохранения считает рост одним из лучших показателей условий здоровой жизни данной популяции.

В отличие от дохода финальный рост — суммарный показатель уровня *чистого* потребления в годы физического развития. Он отражает, во-первых, доступ человека к пище, к тем ресурсам, которые влияют на здоровье и поддерживают биостатус человека — жилищу, медицинскому обслуживанию и др.; во-вторых, показывая баланс между потреблением и расходом энергии, полученной от пищи, на работу и борьбу с болезнями, рост отражает реальный физический результат экономической активности, в то время как доход показывает потенциальное, а не фактическое потребление. Поскольку расходы на эти нужды — на поддержание биостатуса человека, занимали главное место в семейном бюджете большинства населения вплоть до завершения индустриальной революции даже в тех странах, которые сегодня относятся к высокоразвитым, а в менее развитых странах преобладают и в настоящее время, то средний рост может использоваться для оценки изменений в уровне жизни во времени как целых популяций, так и отдельных социальных групп, принадлежащих к одному этносу и обладающих одинаковым генетическим потенциалом в отношении длины тела.

В слаборазвитых странах, где поддержание биостатуса поглощает большую долю доходов населения (например, в Индии более 70%), связь между благосостоянием и биостатусом теснее. Напротив, в развитых странах, где на поддержание биостатуса уходит меньшая доля доходов населения, связь слабее. До середины XX в. американцы были самыми высокими в мире — на 3–9 см выше европейцев из западных стран. Но в последние 150 лет длина тела у европейцев росла быстрее, и сегодня большинство стран с протестантским населением обогнали белых американцев по росту: самые высокие европейцы — голландцы, шведы и норвежцы, а также датчане, британцы и немцы имеют рост на 5–7 см выше американцев (183–184 см против 178 см), хотя, как и прежде, ВВП на душу населения в США выше. По мнению известного антропометриста Дж. Комлоса, причины следующие: в Европейском Союзе меньшее социальное неравенство, совершеннее система социального обеспечения, большая социальная безопасность, лучшая экология, меньшие трудовые нагрузки, продолжительнее и качественнее питание и отдых.

Поскольку количество и качество потребления и расход энергии на работу, борьбу с инфекциями и болезнями варьируют во времени, то длина тела отражает динамику биостатуса населения, если мы располагаем сериями данных. Благодаря этому ауксологический подход создает возможность следить за *изменениями роста и условий жизни во времени*, при наличии большого количества надежных данных — даже за ежегодными изменениями. Наиболее удобно интерпретировать последовательные данные о длине тела, будь то годовые или средние пятилетние или десятилетние данные, поскольку в этом случае результаты получаются более точными. Вот красноречивая иллюстрация использования антропометрических данных для анализа динамики благосостояния населения. Накануне Второй мировой войны китайцы отличались довольно высоким ростом — 168 см у мужчин и 158 см у женщин, причем, они были существенно выше японцев, вьетнамцев, корейцев и индийцев — на 5–8 см. После провозглашения КНР в 1950 г. повышательная тенденция сохранилась, но была прервана в годы Великого скачка 1957–1961 гг. и затем вновь возобновилась. Рост современных 20-летних китайцев, родившихся в начале 1980-х гг., 170 см, китайнок — 160 см, то есть прибавка за 50 лет всего 2 см, в то время как у южнокорейцев — 6 см, а у японцев — 12 см. Однако рыночные реформы в Китае начались в 1979 г. и прошло слишком мало времени, чтобы они могли существенно повлиять на биостатус взрослого населения. Но повышение роста и веса детей, рожденных до и после 1979 г. показывает, что китайские реформы положительно сказываются на благосостоянии.

Итак, длина тела, являясь самым простым для расчетов показателем сравнительно с другими индикаторами благосостояния населения, может быть весьма полезным *при определении тенденции* в динамике благосостояния россиян, потому что поддержание биологического статуса в XVIII–XIX вв. поглощало большую часть доходов населения. Согласно самым

ранним и надежным бюджетным российским обследованиям 1877–1883 гг. (в это время образ жизни деревни заметно изменился по сравнению с первой половиной XIX в. в сторону расширения и разнообразия потребностей), крестьяне, занятые преимущественно земледелием, расходовали на поддержание биологического статуса около 54% своих доходов (в том числе на питание — 40%, на одежду и жилище — 14%), а занятые главным образом кустарными промыслами — 78% (на питание — 60%, на одежду и жилище — 18%)⁹.

2. Источники и методика их обработки

Наша информационная база включает индивидуальные данные о росте 20 320 рекрутов Саратовской губернии, родившихся в 1751–1855 и 1891–1915 гг.¹⁰, и агрегированные данные о 258 760 новобранцах, родившихся в 1853–1892¹¹. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. на службу призывались крестьяне (85–90% населения страны), мещане (5–9% всего населения). Дворянство (1,5–2% населения) с 1762 г. добровольно служило офицерами, духовенство (0,5% всего населения) было освобождено от рекрутской повинности, а немногочисленное гильдейское купечество имело право откупаться от воинской службы. Социальный состав саратовских рекрутов в 1756–1873 гг. изменялся мало: на 94–95% они состояли из крестьян и на 5–6% из мещан.

После 1874 г. воинская повинность стала всеобщей, но поскольку население страны вплоть до 1913 г. почти на 80% состояло из крестьян и на 11% из мещан, то после 1874 г. социальный состав призывников мало изменился — после 1874 г. на 90–92% это были крестьяне и на 8–10% мещане. Социальный состав армии имеет важное значение потому, что существовали различия в росте по сословиям.

Требования к росту (ростовой ценз) и возрасту (возрастной ценз) в течение 1840–1900 гг. изменялись (см. табл. 1), и это представляет существенную трудность для сравнения данных за разные годы.

⁹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России: В 3 ч. СПб., 1903. Ч. 3. С. 132–134.

¹⁰ Данные о росте заимствованы из приемных формулярных списков рекрутов, хранящихся в следующих архивах:

ГАСО. Ф. 75 (*Саратовское губернское рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 1, 20, 39, 40, 47, 48, 52, 53, 58, 63-а, 70, 74, 75, 80, 85–87, 94, 95, 104, 112, 118, 119, 127, 128, 135, 137, 138, 144–146, 152, 153, 158, 162, 163, 168, 172, 176, 179, 181, 182, 204–209, 231, 238, 246, 256, 266, 274, 280, 282–286, 301, 302, 308–311, 316, 317, 322, 323, 326–328; Ф. 98 (*Аткарское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 8–15, 21, 22, 26, 27, 30, 34; Ф. 99 (*Балашовское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 10–21, 29–33, 36–38, 42, 47–52; Ф. 100 (*Вольское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 14, 15, 18, 30, 37, 40, 43–46, 51–55, 61, 62, 66–73, 77, 78, 82–86, 91–105, 108–110; Ф. 101 (*Петровское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 15, 21–24, 28, 29, 35, 36–40, 45, 46, 49–51, 54–60, 63–68, 71; Ф. 102 (*Саратовское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 7, 12–14, 20–23, 28–30, 33; Ф. 102. Оп. 1 (*Саратовское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 3; Ф. 103 (*Хвалынское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 11–13, 16–18, 23–26, 32–46, 53–64, 68; Ф. 716 (*Николаевское уездное рекрутское присутствие*). Оп. 1. Д. 5. Выражаем глубокую благодарность О. В. Сосновцевой за помощь, оказанную при сборе материала в ГАСО.

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2 (*Канцелярия главной артиллерии и фортификации, 1701–1796 гг.*); Ф. 3 (*Артиллерийский департамент Военного министерства, 1796–1862 гг.*).

Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 147 (*Дела Комиссии российских флотов и Адмиралтейского правления, 1763–1765 гг.*); Ф. 173 (*Дела Адмирала Мордвинова, 1767–1782 гг.*); Ф. 212 (*Адмиралтейств-коллеция, 1755–1756 гг.*); Ф. 283 (*Инспекторский департамент Морского министерства, 1865, 1869–1874, 1884 гг.*); Ф. 406 (*Рекрутские списки и рекрутские наборы, 1787–1816, 1837 гг.*); Ф. 406 (*Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства: коллекция, 1761–1940*); Ф. 417 (*Главный морской штаб, 1912–1915 гг.*); Ф. 989 (*Балтийская учетная канцелярия, 1908–1918 гг.*).

¹¹ РГИА. Ф. 1292 (*Управление по делам о воинской повинности*). Оп. 2, 3, 4, 5, 7 (Отчеты о результатах призыва со сведениями о росте по губерниям за 1874–1913 гг.).

Изменение ростового ценза рекрутов и призывников в 1740–1912 гг.

Годы	1740	1757	1767	1825	1840– 1844	1845– 1853	1854– 1855	1866– 1873	1874
Ростовой, мм	1422	1600	1600	1600	1600	1578	1556	1556	1534
Возрастной, лет	18–35	18–35	18–35	18–35	20–35	20–35	20–35	20–35	20

В период рекрутской повинности ростовой ценз понижался, достигнув минимума в 1854 г. — 2 аршина и 3 вершка (старинные русские меры, равные соответственно 71,12 и 4,445 см), или 1556 мм. Новый ростовой ценз, равный 1534 мм, был установлен в 1874 г. и оставался неизменным до 1915 г.

До 1831 г. в армию принимались мужчины преимущественно в возрасте от 18 до 35 лет, с 1840 г. — от 20 до 35, с 1874 г. и до 1912 г. — мужчины, достигшие к 1 января призывного года 20 лет (с 1893 г. достигших 21 года к 1 октября призывного года), и некоторое число лиц более старшего возраста, которые по определенным в законе условиям получили в предыдущие призывы отсрочки от службы. Вследствие этого среди призывников в 1874–1892 гг. были преимущественно 21-летние, некоторое число лиц в возрасте 22–25 лет и небольшое число лиц, которым до полных 21 лет не хватало 1–12 недель, поскольку призывы производились главным образом в ноябре-декабре, после уборки урожая. В индивидуальных данных за 1874, 1880 и 1894 гг. по Саратовской губернии доля 21-летних составляла соответственно 52%, 45%, 71%, доля 20-летних — 4%, 6%, 1%, 21–24-летних — 31%, 24%, 27%, 25-летних и старше — 13%, 25%, 1%. В других губерниях, по которым сохранились индивидуальные данные, процент 21-летних был намного больше, редко опускаясь ниже 70%.

По Саратовской губернии мы располагаем индивидуальными данными за 1756–1860 гг. и суммарными данными, т. е. без разделения по возрастным группам, за 1874–1913 гг. При обработке суммарных данных возникает вопрос о том, к какому году рождения привязывать данные о росте рекрутов одного набора. Поскольку преобладающая группа рекрутов имела возраст 21 год, то и годы их рождения всего набора целесообразно привязывать к тому году, когда родились 21-летние, например всех рекрутов набора 1874 года относить к 1853 году рождения. Это не совсем корректно, но другого выхода нет, так как возрастная структура новобранцев после 1874 г. неизвестна.

Понижение ростового ценза с 1845 г. на 22 мм, а с 1874 г. — на 66 мм сравнительно с 1750–1844 гг. вело к уменьшению среднего роста новобранцев, но не так существенно, как можно было бы ожидать. Как показывают гистограммы, понижение ростового ценза в 1845–1873 гг. не сказалось на росте саратовских рекрутов: среди призванных в армию оказалось очень мало мужчин, имевших рост ниже 160 см. Приемные комиссии следовали старому цензу, и только в исключительных случаях от него отступали. Как показали расчеты, усеченность ростовых данных вследствие ростового ценза в 1874–1892 гг. приводила к занижению истинного среднего роста в генеральной совокупности в отдельные годы на 1–3 мм.

3. Изменение биостатуса населения Саратовской губернии в 1755–1915 гг.

Рис. 1 и табл. 2 показывают, как в 1755–1915 гг. изменился средний рост саратовских мужчин референтной группы: крестьяне, неграмотные, проживающие в деревне, холостые, в возрасте 21 года.

Изменение роста мужского населения в Саратовской губернии и Европейской России
в 1755–1915 гг. (в годы рождения, см)

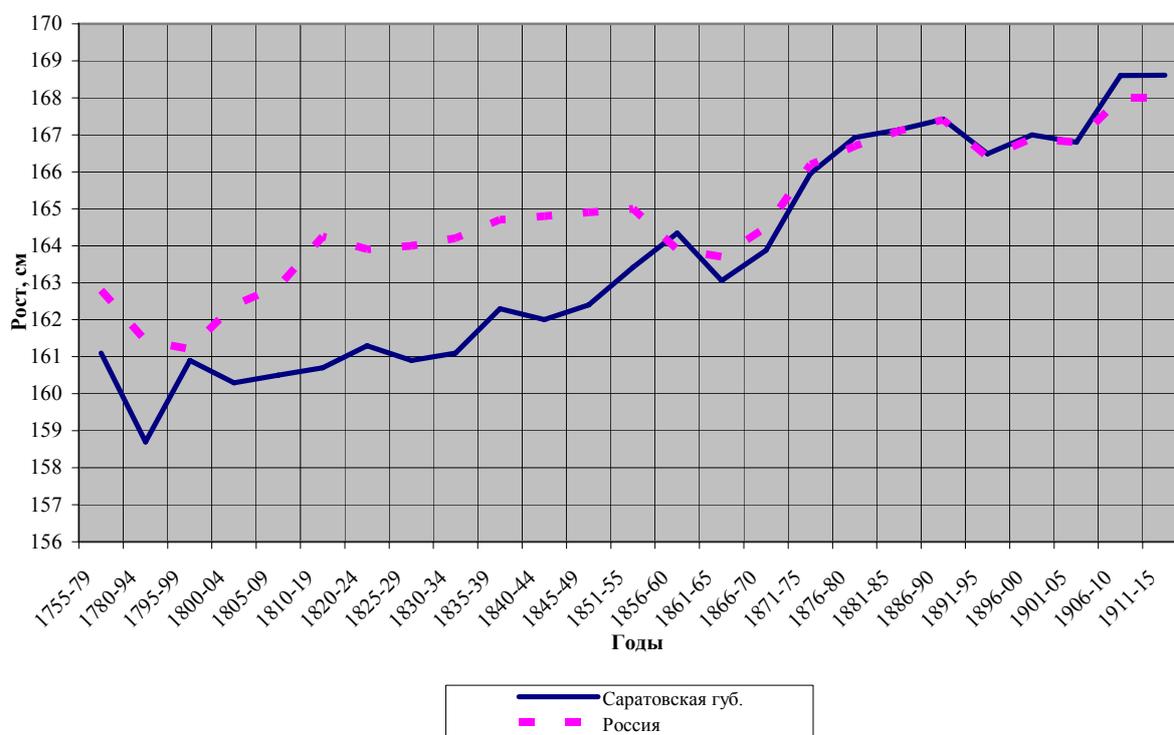

Таблица 2

Средний рост мужчин референтной группы в Саратовской губернии
и Европейской России в 1755–1915 гг. (в годы рождения, см)

Годы	Саратовская	Годы	Россия	Годы	Саратовская	Россия
1755–1779	161,1	1756–1779	162,8	1851–1855	163,4	165,0
1780–1794	158,7	1781–1794	161,4	1856–1860	164,3	163,9
1795–1799	160,9	1796–1800	161,2	1861–1865	163,1	163,7
1800–1804	160,3	1801–1805	162,4	1866–1870	163,9	164,5
1805–1809	160,5	1806–1810	162,9	1871–1875	166,0	166,2
1810–1819	160,7	1811–1820	164,3	1876–1880	166,9	166,7
1820–1824	161,3	1821–1825	163,9	1881–1885	167,1	167,1
1825–1829	160,9	1826–1830	164,0	1886–1890	167,4	167,4
1830–1834	161,1	1831–1835	164,2	1891–1892	166,5	166,4
1835–1839	162,3	1836–1840	164,7	1896–1900	-	166,9
1840–1844	162,0	1841–1845	164,8	1901–1905	-	166,8
1845–1849	162,4	1846–1850	164,9	1906–1910	-	168,0
				1911–1915	168,6	168,0

Как следует из данных табл. 2, у саратовских мужчин, родившихся во второй половине XVIII в., рост понизился на 2,4 см — со 161,1 см в 1755–1779 гг. до 158,7 см в 1780–1794 гг. Минимальная отметка была достигнута в начале 1790-х гг. С 1795–1799 гг. началось

увеличение длины тела, которое продолжалось до 1860-х гг. Мужчины 1856–1860 гг. рождения превзошли своих предков 1750-х годов рождения на 3,2 см. Увеличение роста в дореформенный период происходило нелинейно. Повышательная тенденция прерывалась трижды, в 1800–1804 гг., 1825–1829 и 1840–1844 гг., но и тогда рост не возвратился к минимальной отметке начала 1790-х гг., что говорит об устойчивости тенденции.

Пореформенное время началось со значительного (на 1,2 см) в 1861–1865 гг. понижения роста у саратовских мужчин. Однако с 1866–1870 гг. увеличение длины тела возобновилось и продолжилось до 1890-х гг. Саратовцы 1886–1890 гг. рождения превзошли своих предков, увидевших свет в 1861–1865 гг., на 4,3 см. После снижения роста в 1891–1892 гг. повышательная тенденция возобновилась и продолжалась до 1911–1915 гг., когда средний рост достиг максимума за весь период империи — 168,4 см.

Итак, во второй половине XVIII в. действовала тенденция понижения роста, а с конца XVIII в. и по начало XX в. — тенденция повышения. Колебания роста имели циклический характер: годы повышения сменялись понижением и наоборот. Только в 1830-е гг. саратовцы достигли длины тела, которую имели в 1750-е гг., затратив сорок лет на восстановление биостатуса населения, пострадавшего во второй половине XVIII в.

Интересно сравнить средний рост саратовцев и россиян. Во второй половине XVIII — первой трети XIX в. саратовские новобранцы имели рост существенно ниже среднего по России: в 1755–1799 гг. — на 1,6 см, в 1800–1829 гг. — на 2,8 см. Со второй трети XIX в. разница стала уменьшаться: в 1830–1860 гг. саратовцы уступали 2,0 см, в 1861–1890 гг. — 0,2 см. А в начале XX в. саратовцы превзошли среднего россиянина примерно на полсантиметра. Другими словами, в масштабе России за 150 лет саратовцы из низких превратились в людей выше среднего по росту.

Какие факторы обусловили такую динамику роста и соответственно биостатуса и уровня жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к анализу положения крестьянства, так как его доля среди новобранцев составляла 94–95%.

4. Факторы изменение уровня жизни населения губернии

Административно-политический центр губернии г. Саратов был основан в 1590 г. До начала XVIII в. Саратовский край представлял собой слабо заселенную пограничную территорию, на которой находилось всего около 150 населенных пунктов с числом жителей менее 10 тыс., которое охраняло южные рубежи страны от набегов кубанской татарской орды. Если иметь в виду границы губернии в 1851–1917 гг., она была расположена в двух природных зонах: ее северо-восточная часть — в лесостепной с дерновыми и подзолистыми почвами, остальная большая часть — в степной зоне с черноземными почвами. Климат — умеренно континентальный, но огромная протяженность губернии обусловила существенные различия температур и осадков в 10 ее уездах: средняя годовая температура в конце XIX в. колебалась от 2,9° по Цельсию на Севере губернии до 7° — на Юге, количество осадков — соответственно от 538 мм до 280 мм в год. На протяжении всей губернии протекала главная река Европейской России Волга¹². В 1720-е гг. была устроена царицынская укрепленная линия, заселена донскими казаками, что создало благоприятные возможности для колонизации края. Начался массовый приток населения, преимущественно крестьян, из центральных российских регионов. В 1719 г. в губернии проживало около 12 тыс., в 1744 г. — 200 тыс., в 1795 г. — 840 тыс., в 1850 г. — 2086 тыс. К 1800 г. число населенных пунктов достигло 1,5 тыс., к 1850 г. — 2096¹³. Даже после отделения в 1851 г. Николаевского, Новоузенского и Царевского уездов

¹² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 41 т. СПб., 1900. Т. 28. Саратовская губ. С. 409–414.

¹³ Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / Под ред. А. Бушена. СПб., 1863. С. 90; Очерки истории Саратовского Поволжья: В 2 т. / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. Т. 1. С. 130.

(общей площадью в 109,8 тыс. кв. км) Саратовская губерния занимала огромную площадь в 84,6 тыс. кв. км — это больше современной территории Бельгии, Греции, Дании или Швейцарии. Губерния лежала между 48°27' и 52°20' северной широты и 52°32' и 48°22' восточной долготы, ее протяженность с Севера на Юг по прямой линии составляла 767 км, с Востока на Запад — 438 км. По числу жителей в 1858 г. губерния была восьмой в империи, в 1897 г. — девятой; плотность населения составляла — соответственно 19 и 28 чел. на 1 кв. км¹⁴ (см. табл. 3).

Таблица 3¹⁵

Население Саратовской губернии в 1719—1897 гг.

Год	Население Саратовской губернии	Среднегодовой прирост населения, %		Плотность населения**	
		Саратовская губерния	Европейская Россия*	Саратовская губерния	Европейская Россия
1719	12000	-	-	0,1	3,5
1744	200000	11,9	0,62	1,0	4,1
1795	840000	2,85	1,42	4,3	7,2
1833	1605758	1,72	0,83	8,2	9,8
1850	2086000	1,55	0,54	10,7	10,8
1851	Изменение границ губернии				
1853	1537000			18,2	11,0
1897	2406000	1,02	1,24	28,4	18,7

* В границах России 1719 г.

** Человек на один квадратный километр. Площадь Европейской России без Польши и Финляндии в 1719 г. — 4,3 млн кв. км, в 1795—1913 гг. — 5 млн кв. км (без внутренних вод). Площадь Саратовской губернии до 1851 г. — 194,5 тыс. кв. км, с 1851 г. — 84,6 тыс. кв. км.

Как видно из данных табл. 3, со второй трети XIX в. массовая миграция стала сокращаться, а второй половине XIX в. прекратилась, хотя отдельные переселения продолжались. В 1913 г. население края достигло 3269 тыс. В 1719—1744 гг. среднегодовой прирост населения в губернии равнялся 11,9%, в Европейской России — 0,62%, в 1744—1795 гг. соответственно — 2,85 и 1,42%, в 1795—1833 гг. — 1,67 и 0,83%, в 1833—1850 гг. — 1,67 и 0,76%, 1859—1913 гг. — 1,29 и 1,37%. Отсюда следует, что темпы роста населения в Саратовской губернии в 1719—1744 гг. были на 11,8% выше, чем в России, в 1744—1795 гг. — на 1,43% в 1795—1833 гг. — на 0,89%, в 1833—1850 гг. — на 1,01%, а в 1861—1913 гг. стали на 0,08% ниже. Это свидетельствует о том, что главным источником увеличения населения в губернии в 1719—1860 гг. была иммиграция, а в 1861—1913 гг. — естественный прирост¹⁶.

В 1750—1850-е гг., вследствие низкой плотности населения, крестьянство (88% от общего числа жителей губернии) было хорошо обеспечено землей как для посевов, так и пастбищ. В 1782 г. на душу населения приходилось 1 га посева, в 1803 г. — 1,4 га, 1852 г. — 2,4 га, а средний надел земли на душу у всех категорий крестьян составлял 9,3 га, не считая

¹⁴ Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. С. 182—185; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 1—3.

¹⁵ Подсчитано по: *Залеский К. В.* Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии, составленная по сведениям, собранным Саратовской комиссией для уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1859; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 5, 59, 71, 107, 143, 155; Статистические таблицы Российской империи / Под ред. А. Бушена. СПб., 1863. Вып. 2. С. 39—40; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 1—3.

¹⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С. 75—82, 131—134; Т. 2. С. 100—175; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 160; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 44; Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 2. Саратов, 1882. С. 151. В 1851 г. границы губернии изменились: два уезда Саратовской губернии перешли в состав вновь созданной Самарской губернии.

той, которая находилось в руках помещиков, но обрабатывалась руками крестьян¹⁷. Производство сельскохозяйственной продукции быстро увеличивалось. Однако потребовалось немало времени, чтобы в условиях примитивной техники освоить плодородные целинные земли. Весь XVIII в. прошел под знаком расширения пашни и посевов зерновых культур, развития коневодства, увеличения поголовья крупного и мелкого рогатого скота. До 1790-х гг. сельское хозяйство в основном удовлетворяло местные потребности в продовольствии. Но с 1800-х гг. появились хлебные излишки, которые постоянно росли¹⁸. В 1857–1863 гг. в губернии производилось около 770 кг зерновых и картофеля на душу населения в год — в 1,5 раза больше, чем в среднем по России. По этому показателю Саратовская губерния занимала второе место в стране, незначительно уступая только Оренбургской (780 кг). За вычетом зерна на местные продовольственные потребности и винокурение оставались излишки — самые значительные сравнительно с другими губерниями Европейской России (примерно 580 тыс. тонн), которые вывозились за пределы губернии, в том числе на экспорт¹⁹. Обеспеченность скотом была немного выше среднего уровня: в 1859–1864 гг. в переводе на крупный скот в губернии на 100 жителей приходилось 71,8 головы, а в среднем по России — 68,7 головы²⁰.

Горожане Саратовской губернии в 1750–1850-е гг. также были удовлетворительно обеспечены продовольствием, так как большинство их занималось земледелием и держало скот, а в уездных городах земледелие являлось основным их занятием.

Почему же тогда средний рост саратовских мужчин во второй половине XVIII в. понижился, причем в равной или даже большей степени, чем в среднем по России, а в первой трети XIX в. увеличился в меньшей степени, чем в среднем по стране? Поскольку основным источником увеличения численности саратовских жителей в 1750–1850-е гг. была миграция, а не естественный прирост населения, то причины понижения длины тела в большей степени лежали за пределами Саратовской губернии. Огромная миграция населения из перенаселенных центральных губерний, рост которого к тому же в 1755–1795 гг. систематически уменьшался, и привела к еще большему, чем в среднем по России, понижению роста саратовских мужчин во второй половине XVIII в. и меньшему, чем в среднем по России, увеличению их длины тела в первой трети XIX в., так как мигрировало в большинстве случаев бедное и, значит, низкорослое крестьянство. О том, что мигранты в большей степени состояли из бедных крестьян, показало изучение переселений из Рязанской губернии в Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую, на Кавказ и в Сибирь в 1859–1882 гг. «Нужда в разных ее видах гонит крестьянина в далекую, но просторную сторону: то неудобное расположение надела, то аренда на тяжелых условиях, то недостаток топлива, то хлеба не хватает, подати тяжелы». Но поскольку от этой нужды более всего страдало бедное крестьянство, то и доля его среди переселенцев была наибольшей — 59%, в то время как процент середняков составлял 22%, зажиточных — 19%²¹.

Во второй трети XIX в., в связи с уменьшением темпов миграции, с одной стороны, и повышением уровня жизни в губернии — с другой, разница в среднем росте саратовцев и россиян стала сокращаться, а в начале XX в. небольшое преимущество перешло к первым. В других губерниях со второй половины XIX в. наблюдался аналогичный процесс уменьшения разницы в ростовых показателях. Это свидетельствует о том, что тенденция к нивелированию роста была общероссийским явлением и что условия жизни в Саратовской и других губерниях

¹⁷ Осипов В. А. Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985. С. 52; Кильмяшкин А. Е. Проведение крестьянской реформы 1861 года в Саратовской губернии. Саранск, 1997. С. 58; Залезский К. В. Указ. соч. С. 185.

¹⁸ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М., 1957. С. 379.

¹⁹ Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869. С. 110–111.

²⁰ Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу. С. 348–350.

²¹ Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М., 1885. С. 43, 45, 46. Социальный состав переселенцев по сведениям за 1877–1882 гг.

приближались к некоему общероссийскому стандарту — неизбежное следствие коммерциализации экономики и выравнивания уровня жизни во всех регионах России в результате Великих реформ.

При анализе общероссийских экономических показателей мы видели, что в целом первая половина XIX в. для земледельцев в фискальном отношении была более благоприятной сравнительно с XVIII в. И Саратовская губерния, если судить по государственным и удельным крестьянам, на долю которых приходилось 42% сего населения, не стала исключением (сведениями о повинностях помещичьих крестьянах мы не располагаем) (см. табл. 4).

Таблица 4²²

Платежи государственных и удельных крестьян, мещан
Саратовской губернии в 1701–1860 гг.

Годы	Налоги и повинности на м.д. в сер. коп.*		Индекс налогов и повинностей	
	Государственные и удельные крестьяне	Мещане	Государственные и удельные крестьяне	Мещане
1751–1760	219	138	100	100
1761–1770	281	133	128	96
1771–1780	346	198	158	143
1781–1790	333	190	152	138
1791–1800	330	144	151	104
1801–1810	408	169	186	122
1811–1820	320	192	146	139
1821–1830	352	220	161	159
1831–1840	366	228	167	165
1841–1850	381	238	174	172
1851–1860	384	238	175	172

* Курс текущего (номинального) рубля до 1840 г. относительно серебряного рубля в 405 долей (18 г.), с 1841 г. — золотого рубля в 26.136 доли (1,1614 г.) чистого золота.

Бросается в глаза скачкообразный рост платежей — следствие того, что налоги и повинности повышались через большие интервалы времени, когда правительство по необходимости их увеличивало, чтобы компенсировать снижение их реальной ценности, вследствие постоянной и значительной инфляции. В 1751–1780 гг. платежи крестьян в постоянной валюте увеличились на 58%, в 1781–1800 г. немного (на 5%) снизились, достигли максимума в 1801–1810 гг. — 186% от начального уровня 1750-х гг. В 1811–1820 гг. ввиду огромной инфляции существенно (на 22%) понизились, а потом росли до 1851–1860 гг., хотя и оставались ниже, чем в начале XIX в.

Трудно найти показатель, который бы мог точно оценить бремя платежей ввиду того, что тяжесть налогов и оброков должна рассматриваться вместе со сведениями о доходах крестьянства, главным источником которых являлось сельское хозяйство, в сложном взаимодействии хлебных цен, конъюнктуры и урожая. Истинные размеры сельскохозяйственного производства получить невозможно из-за несовершенства статистики. Имеющиеся данные показывают, что сбор зерновых и картофеля (за вычетом семян) с 1787–1794 гг. по 1857–1863 гг. увеличился с 652 кг до 692 кг²³. Проявляя осторожность, примем 652 кг на душу

²² Подсчитано по: Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. Приложение. Табл. 1, 2, 5–7.

²³ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 452; Вильсон И. Указ. соч. С. 110–111. Сбор хлебов измерялся в четвертях — мера объема, равная 210 литрам. Четверти переведены в пуды, пуды — в килограммы. Главными

населения за нормальный сбор хлебов для 1791—1860 гг. Тогда окажется, что после продажи зерна для покрытия платежей, у крестьян оставалось на душу населения в год от 423 до 531 кг. На удовлетворение потребности в питании по нормам середины XIX в. требовалось 310 кг зерна и на корм скоту — 30 кг, всего — 340 кг²⁴.

Данные об обеспеченности скотом, также весьма ориентировочные и заниженные, появляются только в 1850-е гг. Согласно им в 1853—1864 гг. в Саратовской губернии на 100 жителей приходилось 33 головы крупного рогатого скота (в среднем по Европейской России — 34,4). Практически в каждой крестьянской семье, включавшей 8 человек, была хотя бы одна дойная корова, которая давала от 150 до 350 л молока, но не круглый год, а только в течение 6—8 месяцев. Типичная корова бывала дойна от 25 до 30 недель в году и ежедневно давала от 6 до 12 литров молока²⁵. Саратовские крестьяне держали довольно много овец — 105,7 на 100 человек (в среднем по Европейской России — 71,9), 8—9 — в каждой семье, но овцы держались главным образом ради шерсти. Разведение свиней и коз не получило в губернии распространения — в 1853 г. на 100 жителей приходилось по 8 свиные и 1 козе²⁶. Существенным подспорьем в питании была рыба, которая в обилии водилась и добывалась в реке Волге.

Таким образом, анализ имеющихся сведений о платежах саратовских государственных и удельных крестьян показывает, что во второй половине XVIII в. и до начала XIX в. их тяжесть имела тенденцию повышаться, а затем после существенного понижения в 1811—1820 гг., хотя и повышалась, но вплоть до 1860-х гг. была ниже, чем в начале XIX в. Что касается производства продуктов питания, то о его динамике в XVIII в. мы не имеем сведений, но в конце XVIII — первой половине XIX в. оно увеличивалось. Отсюда можно предположить, что благосостояние крестьян до конца XVIII в. должно было падать, а затем расти. Данные о биостатусе саратовских мужчин, который суммирует действие всех факторов благосостояния, включая изменения в налогах и повинностях, в доходах и расходах, в уровне сельскохозяйственного производства, климате и экономической конъюнктуре, дают ту же картину — понижение во второй половине XVIII в., вплоть до середины 1790-х гг., а затем его медленное повышение вплоть до 1850-х гг.

Во второй половине XIX — начале XX в. картина выглядела следующим образом. В целом по России средний рост мужского населения снижался 10 лет, 1856—1865 гг., после чего тенденция повышения возобновилась и действовала до начала Первой мировой войны. В Саратовской губернии уменьшение роста было кратковременным, 1861—1865 гг. и менее значительным. С 1866—1870 гг. обнаружилась устойчивая тенденция его увеличения, которая продолжалась до 1911—1915 гг. с временной приостановкой в 1891—1895 гг. ввиду неурожая. Ни мировой аграрный кризис 1870—1880-х гг., ни индустриализация 1880—1890-х гг., ни урбанизация не смогли остановить повышательную тенденцию.

Главные факторы, способствовавшие улучшению биостатуса крестьянства, были те же, что и в первой половине XIX в. — прогресс сельскохозяйственного производства на фоне снижения налогового бремени. В пореформенный период к ним добавился рост заработков за пределами полунатурального домашнего хозяйства (см. табл. 5).

зерновыми в Саратовской губернии были пшеница, рожь и овес, которые занимали примерно равную долю в посевах. Поэтому средний вес четверти зерновых принят за 8 пудов по 16,38 кг: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. Вып. 1. С. 148.

²⁴ Вильсон И. Указ. соч. С. 106—107. Две четверти озимого, 0,20 четверти ярового хлеба на человека и 2,5 четверти на каждую лошадь в год.

²⁵ Вильсон И. Указ. соч. С. 348; Залезский К. В. Указ. соч. С. 222, 226.

²⁶ Залезский К. В. Указ. соч. С. 242.

Экономическое состояние Саратовской губернии в 1861–1914 гг.

Годы	Сельское население, тыс.	Пашня, тыс. га				Урожай зерновых и картофеля, центнеров с гектара	Число скота на 1000 человек*		Число выданных паспортов в год, тыс.	Годовая зарплата, руб.**
		наделная	аренда	купленная	итого		крупный	мелкий		
1861–1870	1564	2151,4	409,8	-	2561,1	3,89	-	1123	14,6	-
1871–1880	1810	2133,2	533,3	-	2666,5	4,19	9,85	785	69,7	55
1881–1890	2082	1567,3	874,7	88,2	2530,2	4,64	8,60	829	107,6	66
1891–1900	2364	1622,0	538,9	456,6	2617,5	5,23	6,15	848	149,2	61,7
1909–1913***	2856	-	-	-	2822,9	7,04	8,49	913	143,7	100,3

* На конец десятилетия и в 1916 г.

**Сельскохозяйственного рабочего.

*** Сельское население в 1914 г., пашня и урожай в 1909–1913 гг., скотоводство в 1916 г., выдано паспортов в 1901–1910 гг. и годовая зарплата в 1901–1910 гг., потребление водки в 1913 г.

Вследствие огромного естественного прироста населения — 1,05% в год, саратовским крестьянам только в 1890-е г. удалось стабилизировать, а к 1909–1913 гг. на 9% увеличить производство зерновых на душу населения благодаря повышению урожайности, аренде и покупке земли. Урожай с 1861–1870 по 1909–1913 гг. увеличились на 81% в результате применения удобрений и более совершенных орудий производства, улучшения агротехники и орожения, интродукции новых сортов растений и изменению структуры посевов. Возникает естественный вопрос: как в 1861–1890 гг. саратовским крестьянам удавалось обеспечивать себя продовольствием адекватно своим потребностям, если по официальной статистике производство зерна в губернии на душу населения в эти годы сократилось на 14%? Во-первых, в течение 1861–1880-е гг. вывоз зерна из губернии сокращался и только с 1890-х гг. из губернии стало вывозиться больше, чем в 1859–1862 гг. Именно с 1890-х гг. начался рост производства хлеба. По ориентировочным оценкам, в 1859–1862 гг. водным транспортом (об отправке гужом сведений нет, а железные дороги губернию в то время еще не обслуживали) из губернии было отправлено 189,7 тыс. тонн хлебных грузов, в 1884 г. — 161,6 тыс. тонн — на 17% меньше, чем в 1859–1862 гг. В отдельные годы вывоз был еще меньше, например в 1875 г. — лишь 121,0 тыс. тонн. В 1913 г. вывоз водой и железными дорогами превысил уровень 1880-х гг. в 1,9 раза²⁸. Благодаря уменьшению налогов (подробнее об этом ниже) крестьяне получили возможность меньше продавать и больше оставлять хлеба для удовлетворения собственных потребностей. Во-вторых, сборы хлебов по официальным сведениям преуменьшались примерно на 20% — это именно то количество хлеба, которого не доставало для адекватного потребления в 1861–1890 гг. Поскольку увеличение длины тела было очевидным фактом, следует признать, что показатели производства зерновых действительно занижались и искажали действительное положение дел в губернии.

²⁷ Источники: Дроздов Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930. С. 44–47; Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925. С. 16–24; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 2, 42, 106–107, 118, 160–161, 204, 216, 222, 234–235; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Под ред. Н. П. Огановский, Н. Д. Кондратьев. М., 1923. С. 136–137, 240–241; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 184–185; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 4, 10–11, 180–181.

²⁸ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Вып. 1. Отд. 2. С. 110; Статистический временник Российской империи. Серия 2. Вып. 16. СПб., 1879. С. 122–125; Временник Центрального статистического комитета. 1889. № 7. С. 20–21; Материалы по динамике грузооборота. М., 1927. Вып. 3. С. 184–185.

Пореформенное время отмечено увеличением доходности крестьянского хозяйства, чему способствовало интенсивное железнодорожное строительство, изменение тарифной системы, поощрение экспорта, государственное регулирование хлебных цен и развитие промышленности, особенно в сельской местности, уменьшение налогового бремени, увеличение неземледельческих доходов.

Железные дороги подняли на новый уровень интеграцию всероссийского аграрного рынка и принесли Саратовской губернии огромные дивиденды. Они привели к сокращению издержек провоза сельскохозяйственной продукции из мест производства в места потребления и к выравниванию цен в портах и на саратовском рынке за счет повышения местных хлебных цен. Повышение саратовских цен за счет уменьшения издержек провоза привело к росту доходов земледельцев. Удешевление перевозок позволило экспортировать саратовский хлеб не только традиционным маршрутом через Петербург, но также и через черноморские порты и облегчило его доступ на внутренние рынки.

Поддержала повышение саратовских цен новая тарифная политика, введенная С. Ю. Витте в 1889 г., в соответствии с которой с увеличением расстояния оплата провоза уменьшалась и поставки на экспорт и в крупные промышленные и торговые центры получали тарифные преимущества) и от направления движения хлебных грузов (одни направления перевозок поощрялись, другие блокировались). Саратовская губерния оказалась в числе тех, кто выиграл от новой тарифной политики.

Саратовские земледельцы выиграли и благодаря государственному регулированию хлебных цен посредством создания хлебного запаса, закупок хлеба для армии у помещиков и крестьян, ссудных операций под хлеб со стороны Государственного банка, частных коммерческих банков и железных дорог, взимания поземельные налогов и земских страховых сборов с крестьян хлебом.

Тяжесть повинностей (до отмены крепостного права прямые налоги и оброк, а после его отмены — все прямые налоги и выкупные платежи) после эмансипации резко снизилась — в ржаном эквиваленте со 129 до 78 кг зерна на душу населения, к 1891—1900 гг. — до 55 кг. Благодаря этому потребности в зерне для питания удовлетворялись и оставались излишки для обмена на товары, необходимые в быту (см. табл. 6).

Таблица 6²⁹

Хлебный баланс крестьянских хозяйств Саратовской губернии в 1851—1900 гг.

Годы	Чистый сбор зерна на душу населения, кг		Цена ржи, зол. коп		Всех платежей на десятину земли, коп.*	Платежи в кг ржи		Остаток зерна после оплаты платежей, кг	Норма потребления, кг	Остаток зерна на другие потребности
	с надельной земли	со всей земли	за пуд	за кг		на десятиину	на человека			
1851—1860	526	652	27	1,65	-	-	129**	523	340	183
1861—1870	536	638	44	2,69	-	-	-	-	-	-
1871—1880	497	621	55	3,36	218	65	78	543	340	203
1881—1890	366	589	58	3,54	193	55	60	529	340	189
1891—1900	376	605	55	3,36	183	55	55	550	340	210

* Казенные, земские, мирские и страховые. За 1871—1890 гг. мирские и страховые платежи экстраполированы по их доле в 1891—1900 гг.

** Платежи подушные, оброчные и земские.

²⁹ Составлено по: Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869. С. 110—111; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Ч. 1. С. 2, 88, 106—107, 118, 160—161, 180, 262; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. М., 1974. С. 200—201, 286—287; Свамицкая Э. М., Свамицкий Н. А. Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги. М., 1926. С. 40.

Освобождение от крепостного права способствовало росту потребностей, которые теперь стало возможно удовлетворить не только с помощью увеличения собственного производства сельскохозяйственной продукции, но и посредством дополнительных заработков в промышленности, на транспорте, в строительстве, а также и в сельском хозяйстве. Число паспортов, дающих право уйти из деревни на заработки, с 1860-х по 1890-х гг. увеличилось в 10,2 раза. К 1901 г. в промыслы было вовлечено 27% крестьянства, промысловые доходы давали 9 руб. на душу населения³⁰, что составляло 44% доходов от земледелия. Интересно, что в начале XX в. число отходников даже в абсолютных цифрах немного сократилось (143,7 тыс. паспортов в 1901–1910 гг. против 149,2 тыс. в 1891–1900 гг.), что можно объяснить тем, что населения находило работу в самой губернии благодаря развитию местной промышленности, железнодорожному строительству, спросу на труд в сельском хозяйстве.

Симптоматично, что у зажиточных крестьян появились возможности делать накопления. В 1881–1884 гг. рабочие и крестьяне открывали в среднем в год 0,5 тыс. сберегательных книжек только в государственных сберегательных кассах Саратовской губернии, а в 1898–1900 гг. — 7,3 тыс. На конец 1900 г. они имели 16 245 вкладов на 3,4 млн руб. по 212 руб. на каждую сберегательную книжку³¹. Смертность с 1860-х гг. по 1890-е гг. уменьшилась с 42‰ до 34‰, а к 1913 г. — до 29‰³². Грамотность среди саратовских новобранцев с 1873–1884 гг. по 1904 г. повысилась с 19% до 63%³³.

Итак, мы видим, что увеличение среднего роста саратовских крестьян с 163,1 см в 1861–1865 гг. до 168,6 см в 1911–1915 гг. действительно свидетельствовало о повышении их благосостояния, которое было обусловлено позитивными сдвигами в их хозяйстве и культуре, произошедших в результате Великих реформ 1860–1870-х гг.

5. Различия в биостатусе в зависимости от социального статуса, этнической принадлежности, местожительства и грамотности

Разница в длине тела между представителями отдельных сословий показывает уровень дифференциации в уровне их жизни. К сожалению, дворянство не измерялось, духовенство по закону не служило в армии. Наши данные ограничиваются преимущественно крестьянством³⁴, мещанством и купечеством, причем только для периода до введения всеобщей воинской повинности. На их долю приходилось 99,9% в 1762 г. и 97,8% в 1850 г. (см. табл. 7).

Таблица 7³⁵

Структура населения Саратовской губернии в 1762, 1795 и 1850 гг.

	1762 г.		1795 г.		1850 г.	
	население	%	население	%	население	%
Удельные крестьяне	12068	5,84	16189	4,24	44521	4,70
Экономические крестьяне	25852	12,51	37548	9,84	-	-
Государственные крестьяне	51989	25,17	85313	22,37	483706	51,02
Помещичьи крестьяне	105609	51,12	204961	53,74	340957	35,96
Городское населения (мещане, купцы)	10889	5,27	17555	4,60	58164	6,13
Неподатное население	169	0,08	19847	5,20	20758	2,19
Итого	206576	100,00	381413	100,00	948106	100,00

³⁰ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России: В 3 ч. СПб., 1903. Ч. 1 (далее: Материалы Комиссии 1901 г.). С. 216–217.

³¹ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 46–47.

³² Там же. С. 8–9; Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. С. II–1.

³³ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 306.

³⁴ Мелкие группы крестьян, которые в конце концов стали государственными, объединены в одну группу для всего изучаемого периода.

³⁵ Источник: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 5, 59, 71, 107, 143, 155.

Различия в среднем росте между разными сословными группами представлены в табл. 8.

Таблица 8³⁶

Вариация среднего роста саратовских рекрутов в зависимости от социального статуса в первой половине XIX в.

Социальное происхождение	Рекруты в возрасте 23 лет и старше			Сумма налога, оброка и земских повинностей в 1849 г., коп.*
	Число человек	Возраст, лет	Рост, см	
Помещичьи крестьяне	2181	25,2	163,7	2163
Удельные крестьяне	321	25,5	164,4	452
Государственные крестьяне	1961	25	164,4	452
Свободные хлебопашцы	27	24,3	165,5	163
Мещане	296	25,7	165,9	270
Дворовые	24	27	166,8	не платили

* Натуральные повинности в переводе на деньги (без учета рекрутской повинности).

Как видно из данных табл. 8, самыми низкорослыми были рекруты из помещичьих крестьян, а самыми рослыми — из дворовых³⁷. Разница в финальном росте между ними достигала внушительной величины — 3,1 см. Чем можно объяснить эту разницу? Принадлежавшие помещикам дворовые не занимались сельским хозяйством, а обслуживали своих патронов и, как правило, находились на их полном иждивении, часто жили и питались вместе с ними. Дворовые не платили налогов и оброков, не работали на барщине и не несли каких-либо повинностей. Отбирались в дворовые люди здоровые, сильные, рослые, внешне привлекательные. Только богатые помещики имели значительное число дворовых, что также способствовало тому, что их слуги имели относительно высокий биостатус. В отличие от дворовых, помещичьи крестьяне занимались сельским хозяйством, платили налог и оброк, несли барщину и другие повинности и жили автономно от помещиков.

Следующими в иерархии по росту были удельные крестьяне, принадлежавшие царствующему дому Романовых, и государственные крестьяне, которыми распорядилась казна. Правовое, социальное, административное и финансовое положение удельных и государственных крестьян было почти тождественным: они платили равные налоги, ренту, несли те же повинности. Не удивительно, что их биостатус был одинаковым. Общая сумма платежей у государственных и удельных крестьян, по официальным данным, была в 4,8 раза ниже, чем у помещичьих крестьян, хотя ростом они превосходили последних на 0,7 см. Отсюда можно предположить, что официальные данные несколько занижали платежи у государственных крестьян и явно завышали их у помещичьих. Дело в том, что платежи последних на 92,5% состояли из оброка и лишь на 7,5% — из налогов и государственных повинностей. Данные об оброке относятся к 1850-м гг. и получены от помещиков, которые в преддверии отмены крепостного права были заинтересованы его завысить, чтобы получить большую компенсацию за потерю своих крепостных.

Среди всех крестьян наиболее предпочтительным было положение свободных хлебопашцев — они на 1,7 см выше помещичьих и на 1,1 см выше государственных крестьян. В период между 1803 и 1848 гг. они были освобождены от крепостной зависимости их владельцами

³⁶ Источники: РГИА. Ф. 869 (Милютины). Оп. 1. Д. 789 (Таблицы к статистическому атласу). Л. 21–23, 27; Скребицкий А. И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян: В 4 т. Бонн на Рейне, 1865/66. Т. 3. С. 1271, 1273.

³⁷ Выборки по дворовым и свободным хлебопашцам включают небольшое число наблюдений, поэтому средний рост этих категорий крестьян очень приблизительный. Однако по всей России наблюдалась та же иерархия различных категорий крестьян по росту.

добровольно, за выкуп, а в некоторых случаях и без него, но во всех случаях на выгодных для крестьян условиях. Хлебопашцы имели землю и платили только государственные налоги в денежной или натуральной форме, поэтому тяжесть платежей была у них наименьшей среди податных сословий. После 1848 г., когда они утратили свое специфическое название и стали именоваться государственными крестьянами, выделить их из массы государственных крестьян стало весьма затруднительным.

Биостатус саратовских мещан в дореформенное время был выше, чем у крестьян всех категорий, исключая дворовых. Объясняется это тем, что до 1861 г. первые находились в более благоприятных условиях, чем вторые. Мещане были обременены меньшими налогами, обладали большей свободой, занимались не только торговлей и ремеслом, но имели подсобное хозяйство — огород, сад, нередко пашню, держали скот. Однако в пореформенное время ситуация изменилась. В 1863 г. подушная подать (вместе с круговой ответственностью в уплате налогов) с мещан была отменена и заменена патентным сбором на промысловую деятельность и налогом с городских строений и имущества. В результате налоговое бремя возросло на 61%. Причем, вследствие отмены круговой поруки, богатые мещане теперь не несли ответственности за неплатежеспособных³⁸. Сильно пострадали земледельческие занятия саратовских мещан в результате городской реформы 1870 г. Мещанские общества, до 1870 г. распоряжавшиеся большими городскими угодьями, потеряли на них права и не получили никакой компенсации. Городские думы для увеличения городских доходов стали сдавать землю в аренду по высоким, не доступным мещанам ценам. В малых городах, сохранивших в значительной мере аграрный характер, а также в средних городах, где сельское хозяйство сохраняло значение, мещане попали в тяжелое экономическое положение³⁹, что сказалось на уровне их жизни. Это хорошо видно по антропометрическим данным: средний рост городских призывников 1863—1892 гг. рождения (165,8 см), более чем на 70% состоявших из мещан, сравнялся со средним ростом сельских призывников (165,9 см), более чем на 90% состоявших из крестьян, в то время как в первой половине XIX в. мещане были на 2,2 см выше крестьян.

В течение изучаемого времени наблюдалась статистически значимая вариация роста рекрутов в зависимости от семейного положения и места жительства (см. табл. 9).

Таблица 9

Вариация роста новобранцев в возрасте 23 лет и старше
в зависимости от семейного положения в первой половине XIX в. (см)

Семейное состояние	Число рекрутов	Возраст, лет	Рост, см
Вдовы	130	25,9	164,6
Женатые	2979	26,0	164,2
Холостые	1229	24,9	163,9
Городское население	317	25,9	165,9
Сельское население	6592	25,5	163,9

Простые группировки показывают, что женатые рекруты были на 0,3 см выше холостых и на 0,4 см ниже вдовцов. При стандартизации состава рекрутов по основным признакам различие в росте между женатыми (включая вдовых) и холостыми увеличивалось до 1 см. Причина этого состояла в том, что в брак раньше других вступали физически зрелые и здоровые мужчины, а за признак зрелости принимался прежде всего рост.

Новобранцы из городского населения в первой половине XIX в. имели более высокий биостатус, чем сельские жители, поскольку различие в росте между ними составляло 2 см, при

³⁸ Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 2. С. 109, 112.

³⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1. С. 502—503.

стандартизации состава рекрутов по основным признакам — на 1,5 см. Превосходство горожан объясняется прежде всего тем, что городские призывники на 72% состояли из мещан и были почти в 10 раз грамотнее деревенских — оба признака положительно влияли на благосостояние и потому на рост. Позитивная связь между городским проживанием и длиной тела — до некоторой степени российская специфика: в большинстве европейских стран сельские жители были выше городских. Она объясняется тем, что городское население в России не только в имперский период, но и в настоящее время имеет более высокий уровень жизни, чем сельское население. В пореформенное время финальный рост городских и сельских призывников сравнялся вследствие выравнивания положения мещанства и крестьянства, о чем шла речь выше.

Существенная положительная связь наблюдается также между ростом и грамотностью как у сельского, так и у городского населения (см. табл. 10).

Таблица 10

Вариация роста саратовских рекрутов в возрасте 23 лет и старше в зависимости от грамотности в первой половине XIX в.

	Число человек	% грамотных	Рост грамотных, см	Рост неграмотных, см	Разница, см
Городское население	481	26,5	166,9	165,0	1,9
Сельское население	5994	2,8	166,3	163,8	2,5
Все население	6475	4,8	166,7	163,9	2,8

Среди новобранцев грамотные превосходили неграмотных в росте на 2,8 см, при стандартизации состава рекрутов по основным признакам — на 2,2 см. Это объясняется тем, что в первой половине XIX в. грамотность была привилегией людей зажиточных, принадлежавших к привилегированным группам. У городских новобранцев разница в росте между грамотными и неграмотными составляла 1,9 см, у сельских рекрутов — 2,5 см, в то время как разница в росте между грамотным горожанином и грамотным селянином — всего 0,6 см, между неграмотным горожанином и селянином — 1,2 см. Таким образом, биостатус неграмотных людей различался намного больше, чем биостатус грамотных людей. Грамотность служила компенсацией низкого социального статуса и в этом смысле уравнивала людей, по крайней мере в материальном отношении.

Наконец, наблюдаются различия в росте в зависимости от религиозной и этнической принадлежности — религия и этнос часто пересекались: саратовские немцы в большинстве были лютеранами, мусульмане — татарами или башкирами, мордвины и чуваша — язычниками, русские и украинцы — почти всегда православными; молокане и старообрядцы — отколовшимися от православия сектантами. В России XVIII—XIX вв. можно говорить об этническом и религиозном статусе, так как представители различных этносов и религий имели разные юридические и социальные права и проживали в существенно различных социально-экономических условиях. По описаниям современников, немецкие колонисты-лютеране отличались наибольшей зажиточностью. Молокане и старообрядцы по жизненному уровню превосходили православных, а мордвины, чуваша, татары и башкиры им уступали. Обнаруженные различия в росте как будто подтверждают эти наблюдения. Однако данных пока недостаточно для уверенных выводов: выборки слишком маленькие, а различия в росте настолько небольшие, что у некоторых этносов и религиозных групп не являются статистически значимыми (см. табл. 11).

Таблица 11

Вариация роста новобранцев в возрасте 23 лет и старше

в зависимости от вероисповедания и этноса в первой половине XIX в.

Этнические и конфессиональные группы	Число человек	Возраст, лет	Рост, см
Лютеране*	35	21,3	167,4
Молокане	14	28,5	166,8
Старообрядцы	17	25,8	165,0
Украинцы, государственные крестьяне	51	25,2	164,9
Русские, государственные крестьяне	1346	25,1	164,7
Русские, православные	3944	25,2	164,2
Мордвины, чувашаи	407	25,0	164,0
Мусульмане, татары	152	25,0	163,1
Мусульмане, прочие этносы	26	24,0	162,9

* Всех возрастов.

Итоги

Судя по данным о росте мужчин Саратовской губернии, биостатус населения в 1755–1915 гг. претерпел драматические изменения. Во второй половине XVIII в. он понижался, с начала XIX в. медленно повышался, в 1830-е гг. достиг уровня середины XVIII в., а к моменту эмансипации превзошел его. После Великих реформ биостатус медленно, но уверенно повышался и достиг высшей точки накануне Первой мировой войны. Таким образом, до Великих реформ благосостояние саратовцев то падало, то росло, колеблясь вокруг некоторого невысокого среднего уровня, который обеспечивала крестьянская полунатуральная традиционная экономика. Эмансипация встряхнула крестьянство, создала серьезные мотивы для повышения его предприимчивости, стимулировала агротехнические нововведения и культурные изменения в деревне. Несмотря на повышение благосостояния и несомненные успехи во всех сферах жизни, мнения современников, относительно положения саратовских крестьян после отмены крепостного права разделились. Как показали массовые опросы, проведенные двумя Комиссиями, высочайше учрежденными для изучения современного положения российского крестьянства в 1872 г. и 1902 г., одни эксперты из Саратовской губернии полагали, что условия жизни крестьянства после эмансипации улучшились, другие — ухудшились. Вместе с тем большинство свидетельствовало о том, что потребности и доходы крестьян увеличились, что они стали лучше одеваться и питаться по сравнению с дореформенным временем⁴⁰.

Изменения биостатуса у мужского населения в Саратовской губернии и по России в 1755–1915 гг. происходили согласованно с той разницей, что величина синхронных в целом колебаний была различной. Вследствие этого во второй половине XVIII — первой трети XIX в. различие в росте между типичным саратовцем и россиянином увеличивалось в пользу последнего, а с 1840-х гг. — в пользу первого. В масштабе страны за 150 лет саратовцы из низких превратились в выше средних по росту. Это означало, что с 1840-х гг. происходило выравнивание биостатуса населения в Саратовской и других губерниях. Этот важный факт свидетельствует о том, что пограничная в XVIII в. Саратовская губерния стала нормальной российской провинцией и органично вошла в состав страны — целенаправленная политика правительства и невидимая рука единого всероссийского рынка выравнивали условия жизни в различных губерниях.

⁴⁰ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. Приложение I. Свод сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще. СПб., 1873. С. 233; Там же. Приложение II. Свод сведений о недостатках современного положения сельскохозяйственной промышленности вообще. СПб., 1873. С. 37, 142, 213; Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Труды местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Т. 37. Саратовская губерния. СПб., 1903. С. 163–177.